

УДК 1(091)

С.Н. ПУШКИН, докт. филос. наук, проф. НГПУ им. К. Минина, e-mail:spushkin1949@mail.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА

S.N. Pushkin

THE PROBLEM OF ETHNIC TRADITION FORMATION IN L.N. GUMILEV'S WORKS

В статье анализируется изложенный в трудах Л.Н. Гумилева процесс формирования этнической традиции, возникающей в результате образования этническими системами этнических контактов. Во многом благодаря позитивной или отрицательной комплиментарности, этнические традиции способны оказать влияние на возникновение как этнических систем, так и этнических антисистем.

Ключевые слова: этнос, этническая традиция, комплиментарность, этнические системы, этнические антисистемы.

There is shown the analysis of the process of ethnic tradition formation which was researched in Lev Gumilev's works. This process appears in the result of the formation of ethnic contacts by ethnic systems. Ethnic traditions can impact on the formation of ethnic systems and ethnic anti-systems due to positive or negative complementariness.

Keywords: Ethnos, ethnic tradition, complementariness, ethnic systems, ethnic anti-systems.

В настоящее время этнические проблемы приобретают небывалую ранее актуальность. Процессы глобализации неизбежно усиливают все более возрастающие стремления народов защитить собственную этническую индивидуальность. В многонациональной России, болезненно переживающей период весьма сложных преобразований, этнические процессы требуют особенного внимания. Ситуация осложняется тем, что *ни в мировой, ни в отечественной науке не сформулировано общепринятых определений этноса*. Многие годы в разработке этноса участвовали исследователи, обосновывавшие преимущественно информационный и социальный подходы. Первые (Н.Н. Чебоксаров, А.А. Суколов и др.) характеризуют этносы посредством всевозможных форм коммуникаций, а вторые (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов и др.) определяют их как социальные общности, отличающиеся друг от друга языком, психикой, культурой и пр. Однако в последние десятилетия в изучении этноса все более распространяется подход, обычно именуемый в нашей литературе «натуралистическим». Его создатель – Л.Н. Гумилев. И, несмотря на то, что он ушел из жизни два десятилетия назад, его идеи привлекают не меньшее, а большее внимание, чем при жизни творца пассионарной теории этногенеза.

По Л.Н. Гумилеву, этническая система, как правило, не изолирована от контактов с другими этносами, число наиболее типичных вариантов которых он обычно сводит к четырем. Первый из них – *сосуществование* – не предполагает ни смешения, ни подражания, а только заимствование технических достижений. Второй – *ассимиляция* – полное поглощением одного этноса другим. Третий – *метисация* – отличается нестойким сохранением традиций предков и памяти о них, поддерживаемых главным образом благодаря постоянному притоку новых метисов. Четвертый – *слияние* – характеризуется забвением традиций предков и образованием нового этноса. Последний вариант этнических контактов, по утверждению мыслителя, главный, несмотря на то, что именно он привлекает наименьшее внимание исследователей. Хотя в отличие от этнического единства, лишь иногда свойственного человеку, этническая близость присуща ему всегда. Ощущение ее, по мнению Л.Н. Гумилева, «может быть отнесено к природе человека как инвариант. Иными словами, – уточняет он, –

как бы ни был этнос мозаичен и как бы разнообразна ни была его структура, на заданном уровне он – целостность» [7, с.132]. Ее состояние во многом обусловлено фазой этногенеза. В молодых системах этнические контакты напряжены и страстны. Но нередко эти кровавые и часто во многом бессмысленные конфликты более сохраняют целостность этнической системы, чем спокойная, вялая, апатичная жизнь стареющих этносов. И, несмотря на то, что в эту эпоху жить становится значительно легче, этносы как целостности распадаются и прекращают свое существование.

Подразделяя в этой связи этнические системы на *открытые* и *закрытые* или *замкнутые*, Л.Н. Гумилев характеризует их и как *жесткие* и *корпускулярные (дискретные)*. Все они существенно отличаются одна от другой. И если, например, для нормального функционирования жестких систем обязательно необходимы все ее элементы, их одновременное существование, то в корпускулярных системах возможна даже утрата (с последующим восстановлением) некоторых элементов. Но если восстановления не произойдет, то неизбежно начнется процесс упрощения, а потом и самоуничтожения системы. Понятно, что первая система предполагает строгую и безальтернативную подогнанность элементов, а вторая – их свободное взаимодействие и возможность аналогичных замен. В свою очередь открытые системы постоянно получают энергию и «обмениваются со средой положительной и отрицательной энтропией». Замкнутые же системы способны только растрчивать пассионарный энергетический заряд «до уравнивания своего потенциала с потенциалом среды». Отмечая, что и жесткие, и дискретные системы нежизнеспособны, так как первые не могут при поломках самовосстанавливаться, а вторые бессильны перед внешней агрессией, Л.Н. Гумилев полагает возможным существование весьма многочисленной группы вариантов этнических систем. В частности, он предлагает сопоставление жестких и корпускулярных систем с системами открытыми и замкнутыми. Однако сразу же добавляет, что получившиеся в итоге четыре варианта систем (жесткие – открытая и замкнутая, корпускулярные – открытая и замкнутая) – деление весьма условное. Ибо «любая действующая система совмещает черты обоих типов, - указывает мыслитель, - но, поскольку она находится ближе к тому или другому полюсу, такое деление практически оправдано, ибо позволяет классифицировать системы по степени соподчиненности элементов» [7, с.134]. Поэтому этнические системы могут быть наделены различной степенью жесткости и корпускулярности, но общая тенденция такова: жесткость в систему вносится трудом человека, а корпускулярность инициирована природой, «постоянно преобразующей составляющие ее элементы».

Однако при прочих равных условиях усложнение структуры всегда укрепляет, а упрощение – разрушает этнос. Именно сложность обеспечивает ему устойчивость, необходимую для благополучного прохождения всех фаз этногенеза. Всякое же упрощение структуры этноса делает его более слабым и беззащитным. Неудивительно, что иерархическая соподчиненность, по Л.Н. Гумилеву, – один из важнейших принципов этнической структуры. В целях ее успешного функционирования находящиеся внутри этноса таксономические единицы ни в коем случае не должны нарушать его единства и целостности. Ведь то, что молекула состоит из атомов, а атом – из протонов, электронов и др. частиц, напоминает Л.Н. Гумилев, ни коим образом «не снимает утверждения о целостности на том или ином уровне: молекулярном или атомном или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей» [4, с.50]. Вместе с тем, очевидно, что увеличение числа таксонов низшего ранга (этносов в суперэтносах, субэтносов и консорций в этносах) обусловлено, главным образом, возрастанием пассионарности, а их уменьшение – снижением энергетического уровня системы в результате гибели значительного количества пассионариев. Усложненная же система обретает мощь, расширяет ареал, вступая в различного рода этнические контакты.

Возникновение той или иной этнической структуры начинается, по Л.Н. Гумилеву, с объединения симпатизирующих друг другу людей. Одни активные люди привлекают на свою сторону, располагают к себе других активных людей. В результате их неосознанной взаимной тяги и формируются *консорция, конвиксия, субэтнос, этнос, суперэтнос*. «Такая тяга есть всегда, – пишет Л.Н. Гумилев, – но когда она усиливается пассионарным напряже-

нием, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка» [8, с.200-201]. Усиление ее способствует укреплению этнической традиции, позитивно влияющей на взаимоотношение и этнических структур, и составляющих их людей. Данный феномен мыслитель и называет *комплиментарностью*. По его мнению, комплиментарность – механизм, на базе которого осуществляются исторические судьбы взаимодействующих этнических систем и их конкретных представителей [2, с.421]. В итоге, у них могут не только усиливаться взаимные симпатии, но и сформироваться единые для всех жизненные цели. Вместе с тем Л.Н. Гумилев не стремился дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику комплиментарности. Эта взаимная симпатия, по его глубокому убеждению, лишена каких-либо очевидных видимых причин. «Очевидно, что принцип сознательного расчета и стремления к выгоде отсутствует, так как первое поколение пассионариев сталкивается с огромными трудностями – необходимо сломать устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на их месте установить новые, отвечающие их запросам, – убеждал он. – Это дело всегда рискованное и начинателям редко удается воспользоваться плодами победы» [8, с.200]. Поэтому она не может быть в полной мере ни осознанна, ни определена рационально.

Л.Н. Гумилев постоянно подчеркивал, что комплиментарность не принадлежит к явлениям исключительно социальным. Он обнаруживал ее различные проявления как у людей, так и у животных. И не только домашних (часто отличающихся преданностью своему хозяину), но и диких. Однако при этом он отнюдь не стремился к единому универсальному выражению принципа комплиментарности у людей и животных. Ибо был весьма далек от пренебрежительных отождествлений этносов, с представителями животного мира. И трудно согласиться с некоторыми исследователями творчества Л.Н. Гумилева, утверждающими, что у него субпассионарии группируются вокруг пассионариев «как домашние животные вокруг своего хозяина». В целом он склонялся к идее, что комплиментарность, как и этнос, – явление не только социальное, но и природное. Следовательно, она не может возникнуть, ни по желанию кого-либо, ни «ради купеческой прибыли». Хотя отдельные люди к этому могут быть и склонны. Однако возможное на персональном уровне, иногда весьма сложно осуществить на уровне популяционном. Вкусы, настроения, намерения конкретных людей, взятые в сумме всего своего многообразия, взаимно компенсируют различного рода индивидуалистические «уклонения от нормы». Таким образом, этносы формируют более или менее четкие принципы комплиментарности. Поэтому, по мнению Л.Н. Гумилева, не может возбудить и направить комплиментарность ни государственная целесообразность, ни особенности идеологической системы, ни экономическая конъюнктура.

Комплиментарность для него – не только взаимная симпатия, но и взаимная антипатия. Ведь даже у животных, по его мнению, этот принцип может быть выражен как в позитивной, так и в негативной форме. В этой связи Л.Н. Гумилев подразделял комплиментарность на положительную и отрицательную. Положительная комплиментарность рассматривалась им как выражение безграничной толерантности по отношению к партнеру, воспринимаемому «таким, каков он есть», без каких-либо попыток изменить, переделать его под собственные стандарты, запросы, интересы. Отрицательная же комплиментарность характеризовалась главным образом нетерпимостью и антипатией. В данном случае доминировали стремления перестроить или уничтожить партнера. Но наряду с этими основными вариантами, Л.Н. Гумилев отмечал и нейтральную комплиментарность, определяемую как «терпимость, вызываемую равнодушием». Присущая лишь низким уровням пассионарного напряжения, она, по его словам, свидетельствует о потребительском отношении к партнеру, игнорировании его. Данный вариант, как правило, наименее продуктивен, тогда как при положительной комплиментарности возможны *инкорпорации* и *симбиозы*, при отрицательной – *химеры*.

Под инкорпорацией Л.Н. Гумилев понимал различного рода попытки «войти в чужой этнос», сменить свою этническую принадлежность. Согласия и желания для этого как самого человека, так и этноса, готового принять его в свои ряды, явно недостаточно. Проникнуть в чужой этнос, освоиться в его среде значительно проще, чем стать в ней своим. Мыслитель

постоянно подчеркивал, что для того, чтобы стать гражданином другой страны часто вполне хватает доброй воли, тогда как для смены этноса этого крайне мало. Он отмечал разные степени этнической совместимости. Одни люди могут достаточно легко инкорпорироваться в чужой этнос, другим это удается с большим трудом, а третьим не удается вообще. Ибо инкорпорация значительно сложнее преодолевает сопротивление факторов, так или иначе связанных с ощущениями, а не с сознанием и самосознанием. Этнический феномен, часто существуя вне и помимо сферы сознания, значительно более проявляется в особенностях характера. Это, по Л.Н. Гумилеву, сфера не социальной психологии, а этнопсихологии. Так, например, многие переселившиеся в Северную Америку европейцы изучили ее историю, законы, обычаи значительно лучше самих американцев. Но, обладая обширными познаниями, они часто не могут понять многое из того, что интуитивно ощущает ребенок, там родившийся и выросший. И, несмотря на хорошее материальное положение, одни европейцы смогли прижиться в США, а другие нет. «Чтобы стать подлинно «своим», – отмечал Л.Н. Гумилев, – надо включиться в процесс, т.е. унаследовать традицию и при условии, что инкорпорируемый не воспитывался своими истинными родителями» [7, с.157]. В противном случае инкорпорация будет представлять всего лишь этнический контакт.

Наиболее типичным примером этнических контактов при положительной комплиментарности Л.Н. Гумилев называл симбиоз из двух или нескольких «сомкнувшихся» этносов. Под симбиозом он понимал их мирное сосуществование и взаимопомощь «в ведении натурального или простого товарного хозяйства», что, так или иначе, обеспечивало усложнение этносоциальной системы. В данном случае каждый из этносов, располагаясь в едином географическом регионе, занимал свой ландшафт, свою экологическую нишу. «При этом этногенезы пространственно не пересекаются, – пишет мыслитель, – а стереотипы поведения не испытывают существенных деформаций» [5, с.60]. Ксения (букв. «гостья»), по его утверждениям, – характерный вариант симбиоза, когда один немногочисленный этнос внедряется в среду другого, по численности значительно большего. И тот, и другой этносы пребывают в состоянии относительной изоляции, т.к. этнос-гость занимает свободную экологическую нишу, а следовательно, никоим образом не нарушает этническую систему этноса-аборигена. Между ними складывается определенная иерархия взаимоотношений, при которой этнос-гость по существу представляет собой субэтнос. При этом этносы стремятся к взаимному нейтралитету, невмешательству в дела друг друга.

Однако значительно большее влияние Л.Н. Гумилев все же уделял порождаемым отрицательной комплиментарностью химерам. Заимствуя данное понятие из зоологии, где оно обозначает паразитоносителя, он определяет химеру как узурпацию пришлым этносом ведущих позиций местного этноса. В данном случае пришельцы всегда стремились навязать аборигенам свои традиции, культуру и психологическую доминанту. И при этом не просто бесцеремонно проникали в новую для них этническую среду, но так или иначе деформировали, разрушали ее. «Не имея возможности вести полноценную жизнь в непривычном для них ландшафте, – указывал Л.Н. Гумилев, – пришельцы начинают относиться к нему потребительски. Проще говоря – жить за его счет» [3, с.143]. Навязывая всем принятую в их среде систему взаимоотношений, сравнительно немногочисленные представители этноса-пришельца превращают многочисленных членов этноса-аборигена в угнетенное большинство. Химера возникает лишь тогда, когда этносы, принадлежащие к разным суперэтносам, волею судеб оказываются в одной экологической нише, в одном ареале. Тогда как при инкорпорации и симбиозе те или иные устойчивые контакты различных этносов всегда происходят в рамках единого суперэтноса.

Химеры всегда возникают при снижении пассионарного напряжения, что, по Л.Н. Гумилеву, нередко наблюдается при смене фаз этногенеза. В эти, в общем-то кратковременные моменты, этническая система в значительной мере утрачивает устойчивость и стабильность своего развития. Разрушение системных связей, их радикальная перестройка модифицируют и деформируют стереотипы этнического поведения. Это в свою очередь, по убеждению мыслителя, «является причиной химеризации части этноса в зоне контакта, т.е.

разрушение стереотипа как такового, что ускоряет снижение пассионарного напряжения неустойчивого этноса вплоть до полного распада этнической системы» [5, с.60]. Данная тенденция наиболее присуща завершающим фазам этногенеза. Химера – это хотя и хищное, но крайне неустойчивое образование. Она живет до тех пор, пока есть возможность паразитировать за счет созданных этносами (или их симбиозами) богатств и ценностей до полного их уничтожения, истребления. Однако далеко не всегда химера способна одержать победу над этносом. Представляющий собой целостное единство этнос при столкновении с химерой способен разрушить все ее притязания.

При порожденных положительной комплиментарностью инкорпорации, симбиозе более пассионарные этносы подчиняют менее пассионарные. Это обеспечивает нормальное развитие этногенеза от рождения до смерти. Но в любом случае этнос, по утверждениям Л.Н. Гумилева, всегда позитивная система. Химера же не имеет возраста. «Она, - указывает мыслитель, – всасывает пассионарность из окружающей этнической среды, как упырь, останавливая пульс этногенеза» [5, с.60]. Химера не имеет сколько-нибудь прочных связей с ландшафтом своего проживания, ибо пользуется главным образом средствами этносов, за счет которых она паразитирует. Следовательно, химера не имеет Родины. В этой связи, по логике рассуждений Л.Н. Гумилева, *химера – это антиэтнос*. Противопоставляя себя этносам, химера не только отрицает все их обычаи и традиции, но и не создает собственных. Во всем для нее характерна постоянно обновляющаяся «новизна». При всей кажущейся неуловимости различий между этносом и химерой, этнос проходит фазы этногенеза, а химера «либо существует, либо распадается». А поэтому, утверждает Л.Н. Гумилев, они соотносятся как организм и раковая опухоль. «Последняя может разрастаться до пределов организма, но не более, и живет она только за счет вмещающего организма, – пишет он. — Подобно опухоли, химерная антисистема... высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования» [8, с.358]. (Хотя в отдельных случаях химеры могут быть и безвредными, т.е. пассивными.) Не имеющая Отечества химера склонна к негативному мироощущению, а поэтому представляет собой весьма благоприятную почву для образования антисистем. Определяя различия между химерой и антисистемой, Л.Н. Гумилев характеризовал первую как «система-ноль», а вторую как «система-минус». Все позитивные этнические системы, находящиеся в состоянии развития, усложнения, увеличения системных связей, определялись им как «система-плюс».

Для появления же антисистемы, указывает он, необходимы утрата стабильности в развитии этногенеза и внедрение чужого этноса. Если даже эти этнические системы ранее были положительными, при совмещении они породят антисистему – «явление побочное, возникающее помимо воли участников» [8, с.361]. При этом мыслитель обращает внимание на то, что негативное антисистемное мироощущение, как явление противоестественное, не может распространиться на достаточно большое число людей. Антисистема всегда меньше позитивной системы, в которой и за счет которой она живет. Однако, уступая в численности, антисистемы тем не менее при своем исчезновении так или иначе забирают с собой часть от жизнеспособных этносов. Антисистемы не только уродуют эти этносы, упрощая их социальные структуры, обрывая социальные связи и т.д., но и активно способствуют превращению их развития или старения в аннигиляцию. Таким образом, взаимодействие системы и антисистемы может спровоцировать полное прекращение развития системы, ее выход из этногенеза. Вместе с тем высокая концентрация пассионарности, образовавшаяся в результате регенерации этносов, или «преображающая сила пассионарных толчков» могут обеспечить ослабление позиций антисистем, прекращение их деятельности. Хотя мировоззрение антисистем рождается (равно как и позитивных этнических систем) лишь при наличии высокой пассионарности их творцов и последователей, тогда как субпассионарное окружение ни при каких условиях не сможет выйти за рамки традиционных воззрений.

Мировоззрение позитивных этнических систем строится на основе гармоничных, конструктивных контактов с природой, в которых этносы – завершающее звено биоценеза. Мировоззрение антисистем, напротив, разрывает все связи с биосферой, полностью утрачивая

единство с ней. Возникая обычно между различными суперэтническими системами, органически связанными с собственными питающими ландшафтами, антисистемы по своей природе экстерриториальны. Убежденный, что «в потоке нормального этногенеза», антисистема возникнуть не может, Л.Н. Гумилев полагает: при совмещении двух суперэтносов она «развивается со страшной силой». Хотя, рассуждает он, «нельзя сказать, что к приятию негативного взгляда на мир побуждает ухудшение бытовых условий или экономические затруднения. Нет, их не больше, чем было до этого, а иной раз и меньше» [8, с.359]. Все это в значительной мере определяет особенности взаимоотношений людей в системах и антисистемах. Указывая, что любая позитивная этническая целостность вводит различного рода запреты, Л.Н. Гумилев отмечал неизбежно возникающие при этом ограничения свободы человека. Религиозные, нравственные, правовые предписания так или иначе регулируют поведения людей. Только ограничивая произвол своих членов, этносы и могут существовать. И, несмотря на то, что далеко не все люди были рады ограничению своих прав, в позитивных системах преобладают дружеские взаимоотношения. Антисистемы же, относясь к окружающим их этносам как к своим врагам, опираются главным образом на строжайшую внешнюю дисциплину. Обретая внутреннюю часто ничем не ограниченную свободу, человек в них полностью утрачивает свободу внешнюю. «Ведь если нельзя положиться на совесть (внутреннее самоограничение), – пишет Л.Н. Гумилев, – то приходится прибегать к жестокому ограничению внешнему, основанному на прямом насилии» [5, с.62].

Во многих своих работах мыслитель последовательно повторял, что принцип комплиментарности часто весьма активно обозначает себя на уровне этноса. «Здесь-то он как раз и называется патриотизмом и находится в компетенции истории, – внушал Л.Н. Гумилев, – ибо нельзя любить народ, не уважая его предков» [6, с.230]. Подлинный патриотизм, по его словам, помогает налаживать исключительно положительные отношения со всеми людьми, т.е. имеет только позитивный смысл, не позволяя корыстно использовать патриотические идеи против кого бы то ни было. При этом Л.Н. Гумилев неизбежно указывал на положительное воздействие внутриэтнической комплиментарности. Всякий раз предупреждая, что эта мощная охранительная сила этнической традиции может оказать людям не только пользу, но и вред. Она вполне способна выразить себя и в негативной форме ненависти ко всему чужому. В этом случае комплиментарность проявляется в виде шовинизма, широко и разносторонне представленного в антисистемах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь: В 2-х книгах. Кн. 1 / Л.Н. Гумилев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 512 с.: ил. – (Сер. «Сочинения Л.Н. Гумилева»; Вып. 7).
2. Гумилев, Л.Н. Князь Святослав Игоревич / Л.Н. Гумилев // Наш современник. – 1991. – № 7. – С.142-150.
3. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1977. – 544 с.: ил. – (Сер. Альманахов «Сочинения Л.Н. Гумилева»; Вып. 2).
4. Гумилев, Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л.Н. Гумилев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. – 592 с.
5. Гумилев, Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с.: ил. – (Библиотека истории и культуры)
6. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1977. – 640 с.: ил. – (Сер. Альманахов «Сочинения Л.Н. Гумилева»; Вып. 3).
7. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – СПб.: ООО «Издательский Дом «Кристалл», 2002. – 576 с. – (Сер. «Вехи истории»).

© Пушкин С.Н., 2013